разума и восторга или в «трезвом пианстве», как перевел Тредиаковский слова Буало «docte ivresse».

В одах 1730-х годов наглядно обнаружилось противоречие между абстрактно-рационалистической идеей разумной власти и стремлением поэтов выразить ее поэтически-конкретно, найти для нее эмоциональное выражение. Разрешение этого противоречия оказалось под силу только Ломоносову, да и то не сразу. В его одах 1739—1741 годов мы видим те же колебания и те же поиски. Он не сразу решается утвердить окончательно свое право поэта говорить от собственного имени. Поэтому в оде «На взятие Хотина» только дважды (на 28 строф) упоминается «я» поэта, а все изложение в целом безлично и дано как будто с чьей-то другой, особой точки зрения, никак художественно не мотивированной.

Оду Иоанну Антоновичу от 12 августа 1741 года произносит «веселящаяся Россия», в оде «Первые трофеи» та же безличная, без какого бы то ни было «я», форма изложения. Но уже в одах 1742 года Ломоносов отказывается от такой безликости автора:

И *мой* отрады полной ум
Восхитив тем в восторг приводит...
(«На прибытие Петра Федоровича», 1742).

Поданна хочет *мысль моя*
Воспеть довольств драгих причину...
. . . . . .
Но спешно толь куда восходит
Внезапно *мой* плененный взор...
Я Деву в солнце зрю стоящу
(«На прибытие Елизаветы Петровны», 1742).

Ты твердь оставь, о древня Лира
. . . . . .
Моя число умножит звезд...
Еще горит во *мне* охота
Торжественный возвысить тон...
. . . . . .
Я слышу стихотворцев шум
. . . . . .
Красуйся *дух мой* восхищенный,
Не сад ли вижу *я* священный
. . . . . .
Мой дух красу любви зрит...
Я духом зрю минувше время
. . . . . .
Но *чаю*, что вы в оный час
. . . . . .
Но вящшу радость ощущает
Мой дух, когда воспоминает
. . . . . .
Я лиру ныне подвергаю
Стопам ее...
(«На восшествие на престол
Елизаветы Петровны», 1746).